

Г о р е.

ь одной деревушкѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ бѣдный, а другой богатый. Богатый переѣхалъ на житье въ городъ, выстроилъ себѣ домъ и сталъ хлѣбомъ торговать; а у бѣднаго иной разъ хлѣба ни куска нѣтъ, ребятишки, малъ-мала меньше, плачутъ да ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Вотъ разъ и говоритъ онъ женѣ: «Дай-ка пойду я въ городъ, попрошу брата, не поможетъ-ли чѣмъ?» Пришелъ къ богатому: «Братецъ родимый, помоги ты сколько нибудь моему горю! Жена и дѣти безъ хлѣба сидятъ, по цѣлымъ днямъ голодаютъ.»—«Поработай у меня эту недѣлю, тогда помогу,»—говоритъ богатый. Принялся бѣдный за работу: дворъ чистить, лошадей холить, воду возить, дрова рубить. Черезъ недѣлю даетъ ему богатый ковригу хлѣба: «Вотъ тебѣ за труды!»—«И на томъ спасибо,»—говоритъ бѣдный, поклонился и хотѣлъ было домой идти. «Постой!»—говоритъ богатый:—приходи завтра ко мнѣ въ гости и жену приводи: вѣдь завтра мои именины.»—«Эхъ, братецъ! Куда мнѣ: къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ да въ шубахъ, а я въ лаптяхъ хожу да въ худомъ полушубкѣ.»—«Ничего, приходи; и тебѣ будетъ мѣсто.»—«Спасибо, братецъ, приду.» Воротился бѣдный домой, отдалъ женѣ ковригу и говоритъ: «Слушай, жена! Завтра насъ съ тобой въ гости зовутъ.»—«Куда?»—«Къ брату: онъ завтра именинникъ.»—«Ну что-жъ, надо идти.»

На утро встали они и пошли въ городъ, пришли къ богатому, поздравили его и сѣли въ углу на лавку. За столомъ ужь много гостей сидѣло. Всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата и съ женою—и думать забылъ. Тѣ сидятъ да только посматриваютъ, какъ другіе пьютъ и ѣдятъ. Кончился обѣдъ; стали гости изъ за стола выходить, хозяина съ хозяйшкой за хлѣбъ-соль благодарить — и бѣдный тоже, поднялся съ лавки, кланяется брату въ поясъ. Гости поѣхали домой навеселѣ; шумятъ, пѣсни поютъ. А бѣдный, какъ пошелъ, такъ и ворочается натошахъ. Идутъ они съ женою путемъ-дорогою; дѣло къ вечеру, холодно, вѣтрено, снѣговья тучи все небо покрыли. «Давай-ка, — говоритъ бѣднякъ женѣ, — и мы запоемъ какую нибудь пѣсню!»—«Съ чего это ты пѣть вздумалъ? Люди поютъ оттого, что сладко поѣли да много выпили, а мы съ тобой ушли не солоно хлѣбавши.»—«Нѣтъ, жена; все-таки я у брата на именинахъ былъ, безъ пѣсенъ мнѣ стыдно идти. Какъ я запою, такъ всякій подумаетъ, что и меня угостили.» — «Пой, если есть охота, а я не стану.» Запѣлъ мужикъ пѣсню—и слышится ему, точно чей-то голосъ, да такой тоненькій да жалобный сзади подпѣваетъ. Онъ пересталъ и спрашиваетъ жену: «Это ты подсобляла мнѣ пѣть?»—«Нѣтъ, и не думала.»—«Такъ кто же?»—«Не знаю.»—«А ну-ка, запой еще, я послушаю.» Онъ опять запѣлъ: и опять тотъ же голосъ слышится. Остановился бѣднякъ и говоритъ: «Эхъ, знать, это мое Горе мнѣ пѣть помогаетъ!» А Горе и вправду отзывается: «Я, хозяинъ!»—«Ну, Горе, пойдемъ съ нами вмѣстѣ.»—«Пойдемъ, хозяинъ; я и такъ отъ тебя не отстаю.»

Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. Тотъ говорить: «У меня денегъ нѣтъ.»—«Охъ ты, мужичокъ недогадливый! На что тебѣ деньги? Вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ тебѣ? Скоро лѣто придетъ, все равно носить не станешь. Пойдемъ-ка въ кабакъ, да полушубокъ по боку.» Пошелъ мужикъ съ Горемъ въ кабакъ, и пропили они тамъ полушубокъ. На другой день Горе захохало,—съ похмѣлья голова болитъ,—и опять зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ,»—говоритъ мужикъ.—«Да на что намъ деньги? Возьми сани да телѣгу—съ насъ и довольно.» Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Гора;

взялъ онъ сани съ телѣгой, потащилъ въ кабакъ и пропилъ. На утро Горе еще пуше заохало, зоветь хозяина опохмѣлиться: мужикъ пропилъ борону и соху. Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снесъ. Горе опять пристасть къ нему: «Пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — «Нѣтъ, Горе, воля твоя, а больше тащить нечего.» — «Какъ нечего? У твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой продай.» Продавъ мужикъ сарафанъ, деньги пропилъ и

Горе выскочило и утѣлось купцу на плечи.

думаетъ: «Вотъ когда чистъ! Ни кола ни двора; ни на себѣ ни на женѣ.»

Поутру проснулось Горѣ, видитъ, что у мужика нечего больше взять, и говоритъ: «Хозяинъ! Ступай къ сосѣду, попроси у него пару воловъ съ телѣгой.» Пошелъ мужикъ къ сосѣду: «Дай,—просить,—на время пару воловъ съ телѣгой; я на тебя хоть недѣлю за то проработаю.»—«На что тебѣ?»—«Въ лѣсъ за дровами съѣздить.»—«Пожалуй, возьми; только не великъ возъ накладывай.» Привелъ мужикъ домой пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ въ телѣгу и поѣхалъ въ чистое поле.

— Хозяинъ,—спрашиваетъ Горѣ,—знаешь-ли ты на этомъ полѣ у дуба большой камень?»—«Какъ не знать?»—«А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» Приѣхали они на то мѣсто, остановились и вылѣзли изъ телѣги. Велѣло Горѣ мужику поднимать камень, мужикъ поднимаетъ, Горѣ подсобляетъ. Подняли камень, а подъ нимъ яма, доверху золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь?»—говоритъ Горѣ.—«Таскай скорѣй въ телѣгу!» Мужикъ принялся за работу и насыпалъ телѣгу золотомъ, все изъ ямы повыбралъ, до послѣдняго червонца. Видитъ, что ужъ больше ничего не осталось, и говоритъ: «Посмотри-ка, Горѣ, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горѣ наклонилось: «Гдѣ? Я что то не вижу.»—«Да вонъ въ углу свѣтятся!»—«Нѣтъ, не вижу.»—«Полѣзай въ яму, такъ и увидишь.» Горѣ полѣзло въ яму; только что спустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ такъ то лучше будетъ!»—говоритъ.—«Коли взять тебя съ собою, такъ ты, Горѣ-горемычное, и эти деньги пропъешь.»

Приѣхалъ мужикъ домой, свалилъ деньги въ сундукъ, воловъ отвелъ къ сосѣду, и сталъ думать, какъ бы себя устроить. Купилъ лѣсу, выстроилъ большія хоромы и зажилъ богаче своего брата. Подошли его именины, онъ и поѣхалъ въ городъ звать брата съ женой въ гости. «Ишь, что выдумалъ!»—говоритъ богатый:—у самага ѣсть нечего, а еще именины справляешь!»—«Ну, когда то было нечего ѣсть, а теперь, слава Богу, всего довольно. Приѣзжай—увидишь.»—«Ладно, приѣду.» На другой день богатый братъ собрался съ женою, и поѣхалъ на именины. Смотрятъ,—а у бѣднаго-то хоромы новыя, высокія; не всякаго купца

такія есть. Угостилъ мужикъ ихъ, употчивалъ, напоилъ всякими медами и винами. Вотъ богатый у брата и спрашиваетъ: «Скажи, пожалуйста, какими ты судьбами разбогатѣлъ?» Мужикъ разсказалъ ему по чистой совѣсти, какъ привязалось къ нему Горе-горе-мычное, какъ пропилъ онъ съ Горемъ въ кабацѣ все свое добро до послѣдней ниточки—только и осталось, что душа въ тѣлѣ,—какъ Горе указало ему кладъ въ полѣ у дуба и какъ онъ отъ Гора избавился. Завидно стало богатому. «Дай,—думаетъ,—поѣду къ тому дубу да выпущу Горе на бѣлый свѣтъ; пусть оно до тла разорить брата, чтобъ не смѣлъ онъ передо мной своимъ богатствомъ чваниться.»

Опустилъ богатый жену домой, а самъ въ поле поѣхалъ. Подѣхалъ къ дубу, сталъ заступомъ камень сворачивать и только что наклонился надъ ямой, а Горе выскочило и утѣлось ему на плечи: «А! — кричить,—ты хогѣлъ меня здѣсь уморить! Нѣтъ, теперь я отъ тебя ни за что не отстану.»—«Послушай, Горе,—говоритъ купецъ.—Не я, а мой братъ засадилъ тебя подъ камень. Я нарочно пришелъ, чтобъ тебя выпустить.» — «Нѣтъ, врешь; одинъ разъ обманулъ, въ другой не обманешь!»

Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на плечи; привезъ онъ его домой, и пошло у него хозяйство и вкривь и вкось: много добра въ кабацѣ ушло. «Этакъ неладно жить, — думаетъ купецъ. — Довольно потѣшилъ я Горе; пора-бъ и разстаться съ нимъ.» Пошелъ купецъ на широкій дворъ, обтесалъ два дубовыхъ клина, взялъ новое колесо и накрѣпко вбилъ клинъ съ одного конца во втулку. Приходитъ къ Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?»—«А что-жь мнѣ больше дѣлать?»—«Пойдемъ на дворъ въ прятки играть.» Вышли на дворъ. Сперва купецъ спрятался—Горе его нашло; потомъ пришелъ Горю чередъ прятаться. «Ну,—говоритъ,—меня не скоро найдешь; я хоть въ какую щель забьюсь.»—«Куда тебѣ!»—говоритъ купецъ.—«Ты въ это колесо не влѣзешь, не то что въ щель.»—«А вотъ смотри.» Влѣзло Горе въ колесо, а купецъ взялъ, съ другого конца забилъ во втулку дубовый клинъ, поднялъ колесо и забросилъ его въ рѣку. Горе потонуло,—и сталъ купецъ жить по старому, по богатому.